

ISSN 0869-6365

литературное
НОВОВОЕ
обозрение

156

2'2019

ВЕРНЕР ХАМАХЕР «95 ТЕЗИСОВ
О ФИЛОЛОГИИ» · ПОСЛЕ ГЕГЕЛЯ
ДИАЛЕКТИКА «ВЫСОКОЙ»
И «ПОПУЛЯРНОЙ» КУЛЬТУРЫ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ · МАТЕ-
РИАЛЬНОСТЬ И ТЕКСТУАЛЬНОСТЬ
ПОЭТИЧЕСКОГО ВЫСКАЗЫВАНИЯ
Д. А. ПРИГОВ REVISITED · БИБЛИО-
ГРАФИЯ · ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Яна Агафонова

Классика для народа в адаптациях Постоянной комиссии по устройству народных чтений

Yana Agafonova

Classics for Common People in Adaptations by the Standing Committee on the Organization of Reading for the People

Яна Агафонова (Европейский университет в Санкт Петербурге, факультет истории искусств, младший специалист-исследователь; аспирант) yagafonova@eu.spb.ru.

Yana Agafonova (EUSP, Art History Department, junior researcher; PhD candidate) yagafonova@eu.spb.ru.

Ключевые слова: история чтения, культура для народа, публичные чтения, классика

Key words: history of reading, culture for common people, public readings, classics

УДК: 82-9

В статье рассматривается проблема конструирования государством народного читателя во второй половине XIX века в контексте популярной просветительской практики чтений для народа. Одним из ключевых методов просвещения становилась популяризация литературной классики. Специально созданная Комиссия по устройству народных чтений стремилась адаптировать классическую литературу для малограмотного и чуждого этой литературе народа. Стратегии адаптации, предпринятые издателями Комиссии, позволяют выявить специфическое отношение государства к народному читателю, а также стремление определить его национальную особость и встроить отечественное просвещение народа в общеевропейский просветительский контекст.

The article examines the problem of the construction of a common reader in the second half of the 19th century in the context of the popular educational practice of public readings. One of the key educational methods was the popularization of literary classics. The specially created Committee on the Organization of Reading for the masses aimed to adapt classic literature for uneducated people who were unfamiliar with this literature. The strategy of adaption undertaken by the Committee makes it possible for us to identify the state's attitudes toward a common reader, as well as the desire to define its special national identity, and to incorporate the national education of the masses into the general European educational context.

Литературная классика как предмет внешкольной популярной просветительской культуры

Классическая литература имеет большое значение для истории русской культуры. Популярность классики для современной русской культуры и литературы успела также стать предметом критической рефлексии [Адамович 2001]. Вопросы конструирования и функционирования так называемой классики составили целое направление в исследованиях по социологии литературы [Зоркая 1976; Дубин 2009; Рейтблат 2009]. Исследователи современных практик чтения, обращаясь к изучению читательских вкусов электронных и городских библиотек, показывают высокий интерес массового читателя к сектору клас-

сической литературы [Braslavski et al. 2016; Соколов 2016]. Очевидно, что такой интерес во многом регламентируется школьной программой, которая является неотъемлемой частью культуры современного общества. В связи с этим обстоятельством вопросы истории формирования общественного интереса к классической литературе не теряют остроты.

Понятие классики не раз становилось предметом теоретических и историко-литературных исследований. В самом общем смысле под классикой понимаются культурные «образцы», авторы или произведения, которые на протяжении долгих лет сохраняют широкое общественное признание, это «ядро, центр, стержень художественной словесности, та ее часть, которая становится вечным спутником наций и человечества» [Хализев 1991: 68]. В более узком смысле, классику описывают, исходя из внутреннего потенциала самого текста, противопоставляя ее беллетристике, указывая на то, что «произведения, входящие в число классических, явственно отличает иной тип отношений со временем и прежде всего способность диалектически соединять злободневное с непреходящим и универсальным» [Маркович 1991: 56]. Последние теоретические изыскания в этой области лежат в поле социологии литературы. В нашей статье под «классикой» будет пониматься именно социальный феномен утверждения в обществе авторитета некоего ряда литературных текстов, который функционирует как инструмент в борьбе за символическую власть, а также участвует в строительстве традиции. Применительно к XIX веку социологи литературы подчеркивают, что «учреждение и поддержание образцов в больших масштабах, “для всех” может до определенного времени... обеспечить только государство, светское государство» [Дубин 2009: 439–440].

Очевидно, что одним из главных государственных институтов, участвовавших в распространении и поддержании знаний о классике, являлась школа. Однако классика, циркулируя в контексте школьной образовательной практики, выполняла иные функции, чем классика, появлявшаяся на рынке популярной культуры. Изучение классики в школе предполагало глубокое развитие интерпретативных способностей учащихся. Свидетельством этому может служить издание в 1875 году перевода важного для российской образовательной системы методического пособия для чтения. Речь идет о «Руководстве к чтению поэтических сочинений» немецкого писателя Людвиг Эккардта. Перевод этого труда на русский язык был выполнен В. Острогорским и В. Скопиным, почетными педагогами и общественными деятелями. Далее в 1877 году этот перевод был одобрен Министерством народного просвещения, вследствие чего стал частью образовательной программы [Тихомирова 2006: 55]. Идея Эккардта относительно чтения заключалась в медленном прочтении текста с наставником, с непрерывным чтением вслух и комментированием непонятных мест, с дальнейшим перечитыванием и постоянным вопрошанием к тексту, что должно было развивать душевные и эстетические силы ученика. Такое отношение к классическому тексту, ввиду своей сложности, не могло транслироваться в более широкие массы людей с разным уровнем грамотности и школьной подготовки.

В статье предлагается обратиться к иной, менее изученной, внешкольной, государственной практике просвещения, а именно — к чтениям для народа. Чтения для народа представляли собой одну из самых доступных форм досуга для малообеспеченного и малообразованного населения и потому претендовали на значимое место в поле популярной культуры. Практика чтений

для народа выстраивалась вокруг специально предназначенных для этого книг, где публиковался текст для публичного прочтения. Зачастую в этих книгах был также список иллюстраций, которые предполагалось проецировать на экран в специальных аудиториях для народных чтений с помощью так называемого волшебного фонаря, распространенной проекционной технологии во второй половине XIX века. Именно эта технология позволила публичным чтениям стать более наглядными и привлекательными для разнообразной публики.

Организацией, а также регламентацией чтений для народа была призвана заниматься специальная Комиссия по устройству народных чтений, созданная при Министерстве народного просвещения в 1872 году. Ее деятельность изначально распространялась на территории Санкт-Петербурга и его окрестностей. Издания Комиссии допускались также к прочтению в народных аудиториях во всех губернских городах империи при одобрении Ученого комитета Министерства народного просвещения. С 1894 года этого одобрения уже не требовалось, что означало еще более активное распространение изданий на территории Российской империи [Георгиевский 1902: 80].

Читательская практика, предложенная Комиссией, предполагала существенную оптимизацию медленного чтения, утвержденного в школьной образовательной сфере. Подготовка литературного текста к народному чтению вела к упрощению и сокращению оригинала по причине его сложности, а также неуместности некоторых отрывков, с точки зрения Комиссии. Такие адаптации доносились до адресата, как правило, не напрямую, а с помощью посредника-чтеца и специально подготовленных иллюстраций, что упрощало восприятие, но делало его еще более опосредованным по отношению к оригинальному тексту. В связи с ограничениями, которые накладывались с 1890 года Министерством внутренних дел на массовое распространение литературы в бесплатных народных читальнях, возникало ощущение небогатого репертуара разрешенных чтений [Георгиевский 1902: 152—162], в результате одни и те же произведения часто повторялись и становились уже скорее предметом усвоения, а не интерпретации. Так или иначе, Комиссия ставила перед собой цель разработать для народа особую полезную и понятную ему литературу. Но в то же время она пыталась контролировать читательские интенции, препятствуя распространению «вредных» идей, исходящих от просветителей-народников, которым посвящено исследование Ю. Сафроновой в этом блоке.

Обращение к истории Комиссии позволяет рассмотреть ключевой для этой статьи вопрос о том, как зарождалась идея о классике, доступной и принимаемой в широких народных массах вне зависимости от их подготовленности и образования. Специфическое отношение Комиссии к классике позволяет, с одной стороны, выявить просветительские амбиции государства по созданию особой литературы для народа, с другой стороны, определить, какой образ народа государство стремилось выстроить.

О Комиссии по устройству народных чтений

Личный состав Комиссии начинает формироваться с 1872 года, когда по указу министра народного просвещения Д.А. Толстого председателем назначается А.А. Козлов, санкт-петербургский обер-полицмейстер, генерал-майор свиты

Его Величества¹. Таким образом, просветительское дело Комиссии изначально мыслится как сфера приложения сил городских властей. Далее статус Комиссии быстро повышается и ведение дел переходит к начальнику Козлова, санкт-петербургскому градоначальнику генерал-адъютанту Ф.Ф. Трепову, который в значительной степени позиционировал деятельность Комиссии как массовую борьбу с пьянством. После покушения В. Засулич, в 1878 году, Трепов уходит в отставку, в итоге издательская деятельность приостанавливается, и Комиссия редко собирается под предводительством А.А. Козлова и действительного статского советника, попечителя учебного округа К.П. Яновского [Хрущов 1901: 1].

С 1879 года Комиссией заведует статский советник В.И. Лапин, который входит в Ученый комитет Министерства народного просвещения. Тогда же деятельностью комиссии начинает интересоваться будущий император, Александр Александрович. Он организывает особое заседание, куда приглашает, в частности, Д.А. Толстого, и обсуждает проект по развитию дел Комиссии. Далее, в 1882 году председателем Комиссии назначается статский советник Иван Петрович Хрущов, который также состоит членом Ученого комитета. В это время граф Сергей Григорьевич Строганов как крупный меценат жертвует в пользу издательского общества Комиссии 10 000 рублей, вскоре после чего естественным образом увеличивается его издательская активность [Хрущов 1901: 3]. В более поздний период, с 1897 года Комиссию возглавляет Всеволод Сергеевич Соловьев, статский советник, беллетрист, старший сын историка С.М. Соловьева и брат знаменитого философа Владимира Соловьева.

В условиях политической поляризации просветительских организаций во второй половине XIX века [Каплан 2012: 358] Комиссия целиком была порождением «правого» политического лагеря и защищала «консервативные» интересы. Консерватизм Комиссии изначально формировался в период правления Александра II, когда сохранялась еще «память» о национальной концепции Уварова. Эта концепция подразумевала идею «официальной народности», которая, по Р. Вортману, «была попыткой такого объединения национальных концептов и западных форм, которое позволило бы сохранить миф об императоре-европейце» [Вортман 1999: 233]. В дальнейшем, с воцарением Александра III, консервативная позиция Комиссии усиливалась и принимала более радикальную форму, при которой государственные идеологи «подчеркивали “отдельность” русского самодержавия от монархий западноевропейского типа» [Каплан 2012: 360]. Выстраивание национального мифа об особой природе российской государственности включало различные аспекты публичной сферы: официальную риторику, архитектуру, искусство. Комиссия же в этом контексте была призвана разработать особую литературу для народа, а вместе с ней и особый национальный облик народного читателя.

Отношение Комиссии к своему читателю во многом обуславливалось тем, что отталкивалось от просветительского опыта западных государств. В архивном деле Комиссии по устройству народных чтений есть неопубликованный отчет российского ботаника и географа А.Н. Краснова: «Что читает и что может читать наш народ». Отчет начинается с описания пропасти между народом и образованным обществом в свете пропасти между Россией и Западом:

1 О личном составе Комиссии народных чтений // РГИА. Ф. 750. Д. 1. Ед. хр. 7. Л. 3.

Кто жил в провинции и приходил в соприкосновение с крестьянами различных губерний, расположенных в средней части Европейской России, того, без сомнения, не могла не тронуть та ужасающая картина невежества и нищенства, которую представляют из себя народные массы большей части России и в особенности черноземного пространства. Невольно приходится задуматься над причинами этого варварства и бедности, этого невежества, обозначающего целую пропасть между Россией и Западом, пропасть, очевидную для всякого, кто имел случай сравнить жизнь русского крестьянина с жизнью крестьянина немецкого или французского. Но между массой причин выделяется одна причина... устранение которой есть священная обязанность интеллигенции — причина эта — необыкновенно низкий уровень развития народа².

Осознание социальной пропасти и низкого уровня грамотности народа предопределило особое отношение Комиссии к творчеству уже широко известного в литературе к 1880-м годам Л.Н. Толстого. Несмотря на то что Толстой в этот период приобретает большую популярность именно как народный писатель, Комиссия впервые публикует в 1905 году только один его рассказ — «Хозяин и работник», второй текст по Толстому выйдет в 1912 году, это «События 1812 года в художественных образах и картинах по роману “Война и мир”» с иллюстрациями В.В. Верещагина и А.Д. Кившенко. Такой скромный список изданий Толстого может объясняться, прежде всего, разницей во взглядах председателя Комиссии Вс. Соловьева и Л. Толстого на народное просвещение.

Позиция Толстого заключалась в том, чтобы не поучать народ и не обращаться к нему свысока, выстраивая равный диалог. За этим воззрением стояла философская идея непротивления, «опрошенства» и отрицания прогресса. Вс. Соловьев же считал, что народные чтения должны быть преимущественно направлены на поднятие грамотности. «Только образованный человек, по его мнению, может разобраться в сложной философской позиции Толстого, это не под силу грамотному крестьянину» [Васильева 2009: 169]. Наконец, на страницах журнала «Север» Соловьев критиковал такие популярные, рекомендованные в сборнике Х.Д. Алчевской «Что читать народу» толстовские тексты, как «Власть тьмы» и «Чем люди живы», считая их вредными для народного чтения [Васильева 2009: 170]. В результате свою просветительскую миссию Комиссия по устройству народных чтений видела лишь в том, чтобы поднять уровень общей грамотности, не оставляя места ни для чего лишнего, что может быть неверно истолковано народом. Такую охранительную и контролирующую позицию Комиссии по отношению к народу можно рассматривать как причину ограниченного репертуара изданий.

В соответствии с отчетами Комиссии, только за пятнадцать лет наиболее продуктивной деятельности было выпущено 250 названий книг в период с 1881 по 1896 год большим тиражом в 3 443 700 экземпляров [Хрущов 1901: 24]. По данным каталогов Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге и Российской государственной библиотеки в Москве выходят более скромные цифры, а именно не более 280 названий книг за 45 лет существования. Отсутствие разнообразия в чтениях вызывало массу общественного недовольства. На ограниченный репертуар чтений в Комиссию поступали жалобы, которые

² Краснов А.Н. Что читает и что может читать наш народ // РГИА. Ф. 750. Д. 9. Ед. хр. 7. Л. 1.

оставались без удовлетворения. Более того, этот досадный факт попал даже в статью о народных чтениях Брокгауза и Ефрона, в которой авторы негодуют, что «такое положение вынуждает устроителей чтений по несколько раз повторять одни и те же чтения, что, конечно, вредно отражается на развитии дела» [Брокгауз, Ефрон 1890—1907: 597].

Несмотря на скромную издательскую деятельность, у Комиссии был ряд безусловных преимуществ, которые делали ее весомым игроком на просветительском рынке. Прежде всего, она издавала крайне дешевую книгу. Одной из главных задач Комиссии было «изыскать средства к напечатанию чтений отдельными выпусками и озаботиться распространением их в народе по возможно дешевой цене» [Георгиевский 1902: 79]. Действительно, цена на книгу устанавливалась принципиально ниже рыночной и печаталась на обложке во избежание махинаций, что должно было сделать продукцию Комиссии массово доступной. При этом государство хорошо поощряло авторов, пишущих для народа. Джеффри Брукс, исследовавший рынок популярной литературы этого периода, отмечает, что Комиссия платила авторам больше, чем получали уже сложившиеся авторы в хороших журналах [Brooks 2003: 313].

Другим важным обстоятельством является то, что председатели Комиссии, В.И. Лапин и И.П. Хрущов, были членами ученого комитета, который был уполномочен одобрять или не одобрять книгу к публичному прочтению. Таким образом, Комиссия имела институциональное преимущество, а все ее издания допускались к прочтению в народных аудиториях по всей империи и, соответственно, рекомендовались и заказывались в народные библиотеки. Предельно низкая цена на книги для покупателей, солидные гонорары для авторов, а также доступ к некоммерческим каналам распространения делали Комиссию одним из лидеров в сфере издания чтений для народа.

В репертуар изданий Комиссии входили различные тематические разделы, которые издатели иногда определяли, не следуя четкому делению, и печатали на обложках, рекламируя свои издания. Среди этих разделов числятся религиозно-нравственная литература, история, география и этнография, научно-популярные издания (например, о книгопечатании), биографический отдел с биографиями писателей и исторических деятелей, рассказы, повести, стихи, а также в более поздний период деятельности Комиссии выделяются юридический и общественный отдел с так называемыми беседами о Государственной думе, о неприкосновенности личности и свободе совести, о забастовках, налогах и бирже труда.

Особая роль в проекте по воспитанию народного читателя отводилась классике — преимущественно русской, но также и зарубежной. По данным каталогов, художественные повести и рассказы вкуче с литературными биографиями по количеству изданий составляют больше одной трети от числа всех изданий и являют большее разнообразие, чем любой другой отдел. И по количеству уникальных названий чуть больше половины всей художественной продукции отводится Комиссией под классику, тогда как вся остальная литература представляет собой сказки, были, бытовые рассказы и повести, песни и бытовые стихотворения.

Популярные литературные адаптации для народных чтений

За всю историю издательской деятельности Комиссии можно выделить ряд авторов наиболее популярных литературных адаптаций, которые обходят по количеству переизданий всех других. Самыми переиздаваемыми авторами Комиссии оказываются Пушкин, Шекспир и Кольцов. Издательская идея здесь кажется вполне понятной: Пушкин как поэт, регулярно читаемый в обеспеченных и образованных классах, ставится в один ряд с Кольцовым, который к этому времени уже приобрел репутацию крестьянского поэта. Таким образом, сближаются имена и тексты тех, кто обладает разным социальным престижем в поле литературы. Текст Шекспира выходит под авторством А. Сетковой и имеет самое большое число переизданий — это еще одна важная литературная грань, которая представляет иностранную литературу для народа. Так или иначе, ни один из этих пластов литературы не доставляется до читателя в своем оригинальном виде: элитарная, народная и мировая классика — все требует трансформации, упрощения, адаптации как на уровне текста, так и на уровне визуальной репрезентации для появившегося на книжном рынке массового народного читателя.

Шекспир для народа

Наиболее часто публикуемым Комиссией художественным текстом для народного чтения оказывается небольшой рассказ под названием «Старик Никита и его три дочери», автором которого выступила Александра Пантелеймоновна Сеткова (Катенкамп). Этот рассказ, имеющий самое большое число переизданий за все время деятельности Комиссии, представляет собой адаптацию известной трагедии Шекспира «Король Лир». О том, что текст является адаптацией произведения английского писателя, в самих изданиях не упоминается, однако это становится известным из отчетов самой Комиссии и упоминаний в прессе.

Так, в отчете председателя Ивана Петровича Хрущова говорится о намерении издательства адаптировать классическое произведение Шекспира. На страницах журнала «Родина» членами Комиссии был найден автор, чей стиль и искренность вполне удовлетворяли издательство. Этим автором оказалась Александра Сеткова (Катенкамп). Далее ей было предложено не просто пересказать, а переложить специально для народа «Короля Лири».

Оказалось, что г-жа Катенкамп совсем не знала ни Лири, ни легенд его. При прочтении драмы, по изданию Гербеля в русском переводе, г-жа Катенкамп испытала великое наслаждение и, находясь под обаянием прочитанного, долго колебалась перейти к предложенной ей задаче. <...> Через некоторое время у меня в руках была рукопись: «Старик Никита и его три дочери». <...> Автор по инстинкту остановился на самом несложном, простом замысле и выразил его в чертах русской жизни и крестьянского быта [Хрущов 1901: 13].

В адаптированном варианте Сетковой повесть имеет некоторое сюжетное сходство с трагедией Шекспира, однако оказывается лишена исходной трагичнос-

ти. Главный герой, Никита Пахомыч, представлен здесь богатым крестьянином, который по характеру не столько властен, сколько ленив. У него три дочери — Матрена, Пелагея и Машенька, — а также старый работник Степан в роли шута-резонера, однако без функций шута, поскольку его речь имеет исключительно назидательный характер. Стоит заметить, что издания Комиссии в принципе отличаются отсутствием комического или авантюрного в художественных текстах, вероятно, по причине того, что такие повествовательные модусы имеют более сложную интерпретативную схему, которая должна учитывать художественную условность литературного произведения. Опасения, что потенциально такая литература могла быть неверно истолкована читателем, заставляли издателей устранять любую неопределенность.

Переделка «Короля Лира» была избавлена от описаний кровопролитной вражды сестер и убийств, наоборот, она оканчивается трогательными сценами пребывания старика у младшей дочери, без памяти привезенного к ней от лесника, который приютил его в непогоду. Заканчивается повесть словами о благополучии Маши (очевидно — Корделии), которая ухаживала за отцом до самой смерти. А нерадивые сестры, не пожелавшие приютить отца, подвергаются общественному осуждению в назидание читателю.

Ил. 1. Серебряков А. Иллюстрация к книге А. Сетковой «Старик Никита и его три дочери». Комиссия по устройству народных чтений. Санкт-Петербург. Во всех изданиях с 1885 по 1914.

Адаптация произведения Шекспира касается не только непосредственно самого текста, но визуальной репрезентации этой книги. Единственная иллюстрация, включенная в книгу и исполненная А. Серебряковым, вписывается в общую европейскую иконографию изображения короля Лира. Когда короля оставляют старшие дочери, между которыми он поделил королевство, Лир вместе с шутом попадает в степную бурю, во время которой он осознает крушение своих иллюзий. Этот момент наивысшего трагического напряжения русский народный иллюстратор помещает в иной визуальный контекст. Старик Никита как в переложении Сетковой, так и на иллюстрации Серебрякова, в отличие, например, от короля Лира на известной картине Уильяма Дайса 1608 года, попадает в метель вместо степной бури, что должно было сблизить понятный крестьянскому читателю визуальный образ русской деревни и понятный образованному обществу литературный топос (ил. 1, 2).

В контексте изобретения различных визуальных стратегий для переложения классического текста обложка издания повести о старике Никите 1914 года также вызывает особый интерес. Чаще всего чтения для народа издавались под обложкой, на которой был изображен узнаваемый для крестьянина сельский

Ил. 2. William Dyce. King Lear and the Fool in the Storm. Edinburgh. Scottish National Gallery. 1851.

Ил. 3. Автор изображения неизвестен. Обложка издания книги А. Сетковой «Старик Никита и его три дочери». Комиссия по устройству народных чтений. Санкт-Петербург. 1914.

пейзаж. Обложка издания «Старика Никиты» появляется в поздний период существования Комиссии, то есть к этому моменту, когда просветительская идея издательства должна уже была сформироваться в полной мере (ил. 3).

На обложке позднего издания «Старика Никиты» изображена фигура женщины в исконно русском национальном одеянии. Она сидит на троне, окруженная символами просвещения в виде книг на заднем плане, а также символами государственности: меч и щит с изображением двуглавого орла. Такая атрибутика, как правило, отсылает к визуальной аллегории родины. Сам этот символ «родина-мать» возникает как знак народного единства во многих национальных культурах западного мира. Модер Свея, или Мать шведов, Гельвеция как национальный символ Швейцарии, Марианна как символ Французской республики, женская персонификация Германии как символа немецких государств и многие другие [Рябов 2014: 93]. Таким образом, народное единство и государственное просвещение сливались в символической фигуре, переодетой в национальный костюм допетровской эпохи и отсылавшей к исконным русским ценностям. Это оформление встраивало российское просвещение в общеевропейский контекст и одновременно указывало на русскую национальную особость.

Публичное чтение «Старика Никиты и его трех дочерей» имело невероятную популярность. Этот текст попадает не только в сборники рецензий и отзывов на народные книги Х. Алчевской [Что читать народу? 1888: 446], но и на страницы «Петербургского листка» 1898 года в статье про «Народные чтения на Путиловском заводе». Автор пишет: «Читали “Старик Никита и его три дочери”. Русский король Лир видимо захватил внимание слушателей. Несмотря на тесноту, на присутствие множества детей, во все время чтения царила полная тишина» [Петербургский листок 1898].

Феномен популярности Шекспира как орудия просвещения получает свое отражение и в критической литературе о народном чтении. Частный издатель просветительской литературы В.Н. Маракуев предлагает в качестве идеального автора для народа именно Шекспира, у которого, по мнению издателя, идеал блаженного дурака сходен с идеалами русского народа, выраженными в сказках [Маракуев 1886: 8]. Маракуев усматривает сходство между художественной оптикой Шекспира и русского крестьянства, что расходится с официальной просветительской мотивировкой популяризации общечеловеческих ценностей, и тем не менее он апеллирует к тому же автору. Таким образом, в Шекспире разные просветители в целом видят связующее звено между образованным обществом и необразованным народом.

Пушкин для народа

Другим наиболее активно переиздаваемым автором Комиссии был А.С. Пушкин, который ко второй половине XIX века уже прочно входил в золотой фонд русской литературы, обсуждаемый образованной общественностью. Не удивительно то, что наибольшее число изданий пришлось на столетний юбилей поэта. Однако при этом произведения Пушкина представляли большую сложность для издателей народных чтений и требовали существенной коррекции, учитывая тот тип малограмотного читателя, на которого они ориентировались. Более того, народ в принципе был плохо знаком с творчеством, по сути, чуждого их бытовой культуре поэта.

Знаменитый роман Пушкина «Евгений Онегин», имевший большое значение для русского образованного общества, стал проблемой для государственного проекта по народному просвещению. Различные опросы в деревнях, проводимые харьковскими учительницами в 1880-х годах, показывали, что доступность оригинального «Евгения Онегина» для народного восприятия весьма спорна. Оказалось, что большую трудность для народного читателя представляет характер главного героя: не ясны его мотивации и поступки. Среди народных попыток изложить суть романа есть, например, текст, написанный дочерью наборщика, которая оценивается авторами сборника «Что читать народу?» как даровитая ученица. Ее рассуждение об Онегине поднимает проблему его воспитания, именно ту проблему, которая является центральной, прежде всего, для самих просветителей:

Евгений Онегин был человек, по мнению моему, с характером необыкновенно странным, пресыщенным, желающим чего-то небывалого, чего-то сверхъестественного. Выработался же такой характер от воспитания, которое было далеко не хорошее и сосредоточенное на обязанности не одного лица, а нескольких [Что читать народу? 1888: 471].

Вероятно, такое восприятие Пушкина крестьянами повлияло на форму издания адаптации «Евгения Онегина» Комиссией по устройству народных чтений в 1870-х годах. Роман Пушкина представлен в этом издании на 15 страницах и выходит под характерной для Комиссии обложкой с изображением деревни (ил. 4). В предисловии к произведению издатели отмечают «недоступность его содержания для большинства слушателей» [Пушкин 1899а: 1] и сообщают, что они взяли на себя труд выбрать наиболее превосходные отрывки, выражая та-

ким образом снисхождение к читателю, что часто встречается в изданиях Комиссии. Отрывки эти имеют следующие названия: «Сбор ягод в барской усадьбе крепостными служанками», «Наступление весны», «Осень», «Зима», «Верность жены». Таким образом, Евгений Онегин в народном издании вовсе не появляется, но возникает в качестве комментария к появлению Татьяны в последнем отрывке. Отрывок этот содержит знаменитые слова из монолога Татьяны «но я другому отдана, я буду век ему верна», что издателями охарактеризовано как «душевные свойства этой высокой русской женщины» [Пушкин 1899а: 14], таким образом, Татьяна здесь становится не просто главной героиней, но и главной выразительницей идеи «русскости» [Агафонова 2017: 57].

В силу того, что светский повседневный быт и культура были напрямую связаны с творчеством этого класса, приходилось вырезать из Пушкина вместе со светским бытом и «романтический поэтический код», и романтического героя. Так, например, из «Кавказского пленника» были вырезаны строки: «Любил он прежде игры славы / И жаждой гибели горел. / Невольник чести беспощадной, / Вблизи видал он свой конец, / На поединках твердый, хладный, / Встречая гибельный свинец». Так романтический герой лишался присущей ему художественной условности и трагического внутреннего противоречия, которое потенциально могло быть неверно истолковано малограмотным читателем [Пушкин 1899б].

Ил. 4. Каразин Н. Обложка издания книги А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

Комиссия по устройству народных чтений. Санкт-Петербург. 1899.

Несмотря на то что многое убиралось из пушкинских изданий, многое, наоборот, добавлялось. Распространенным приемом, к которому прибегали авторы пушкинских адаптаций, была биографическая справка об авторе, вставляемая перед основным текстом. Эта стратегия, вероятно, была придумана И.П. Хрущовым, который полагал, что у народа есть интерес к истории, но он не способен уяснить для себя все события, а «историческая личность как со-

Аналогичным образом, в специфически сокращенном виде до народа доходила пушкинская «Барышня-крестьянка», из которой вырезался весь бытовой контекст помещичьей жизни, связанный с перениманием привычек европейского буржуазного общества. Так, из текста вычищалась идея англomanии Григория Ивановича Муромского, которая живо поясняла характер героя и его быт. Вырезанной оказалась также идея о том, что чтение может быть губительным для молодой девушки и слишком рано развить в ней чувства и страсти. Социальная тревога по поводу опасности чтения для девушек, опять же, была распространена и понятна в европейском буржуазном образованном обществе и совершенно бессмысленна для крестьян [Лайонс 2008: 408], вероятно, поэтому она должна была быть исключена из модели народного восприятия.

средоточие явлений, как живой тип героя или общественного деятеля привлекает его [народа] внимание» [Каплан 2012: 372]. Таким образом, личность автора или героя становится важной доминантой адаптаций Комиссии.

В частности, биографическая справка об авторе была важной частью активно переиздаваемой адаптации пушкинской «Полтавы». В связи с нарастающей потребностью усилить авторитет Пушкина для народного читателя, для которого изначально он не имел высокой ценности, биография Пушкина в изданиях Комиссии меняется. Комиссией было издано два варианта «Полтавы». Первый появляется в 1876 году под авторством С. Макаровой, а ровно через десять лет выходит второй вариант, написанный Э. Кислинской. Между датами выхода этих двух изданий происходит важное событие: открытие памятника Пушкину в Москве 1880 года. Это существенным образом влияет на способ говорения о биографии автора. Биография Пушкина, помещенная в начало издания 1876 года, через десять лет превращается из некролога в рассказ как бы о живом человеке.

В раннем издании читателю сообщается информация о том, сколько лет жил писатель, когда родился и умер, что убит был французом и погребен в Святогорском Успенском монастыре. Далее, в 1880 году Достоевский провозносит свою знаменитую речь на открытии памятника Пушкину, где в заключение сожалеет о смерти великого классика и говорит следующее: «Жил бы Пушкин долее, так и между нами было бы, может быть, менее недоразумений и споров» [Достоевский 1984: 149]. Это желание Достоевского будто бы волшебным образом реализуется в издательской программе Комиссии, адаптирующей Пушкина для народа. В издании 1886 года в биографической справке о нем пишут уже принципиально иначе: «На высоком пьедестале стоит Пушкин, как живой, немного наклонив голову, словно задумался о чем-то, словно сочиняет свои дивные стихи» [Пушкин 1886: 2]. Пушкин здесь уже не герой некролога, а вполне активный член общества, о котором говорится в настоящем времени. Таким образом, Комиссия своевременно превращает классика в современника для народного читателя.

Другим распространенным приемом в адаптациях Комиссии является введение специального «третеличного» нарратора, который становится опосредующей инстанцией между текстом и читателем и призван объяснить все темные места и сделать произведение предельно понятным. Исследуя отчеты о народных чтениях, А. Котомина замечает: «Выработка приемов сокращения или удлинения текста была не столько рациональной практикой, сколько способом расстановки акцентов, отбора информации в соответствии с ценностными ориентирами инициаторов чтений» [Котомина 2016: 29]. Учитывая, что введение фигуры объясняющего повествователя встречается крайне часто, такую форму адаптации, надо полагать, Комиссия по устройству народных чтений считала наиболее эффективной.

Объяснения повествователя-посредника в адаптациях классики, как правило, перемежаются с оригинальными фрагментами текста. Ключевая особенность введенного повествователя, прежде всего, состоит в том, что он становится фигурой, как бы близкой народу по своей речи. В частности, его задача состоит в том, чтобы упрощать диалоги, сворачивая пространные мысли в общеупотребимую присказку: «Яйца курицу не учат. Или я дурак — прежде времени отступить от царя, пока не увижу, что шведы осиливают русских» [Макарова 1876: 9], — изъясняется Мазепа в адаптации, буквально проговаривая

идею своего предательства. Характерная черта такого повествователя также выражается в намеренной грамматической раздвоенности повествовательного лица. В зависимости от ситуации и внутренней задачи повествователь свободно переходит от третьего лица к обобщенно личным формам. Как, например, в одной из многочисленных фраз: «Петр достиг своего, и осталась за нами часть Балтийского моря» [Там же: 41]. Таким образом удерживается необходимый для Комиссии баланс между позицией просветителя, того, кто сообщает информацию, и позицией единения с народом, которая подталкивает к определению того, что такое «мы», русский народ.

В целом, можно говорить о том, что Пушкин представлял крайне сложную задачу для просветителей. Будучи важным для интеллигенции, он совершенно не подходил под ту концепцию непосредственного народного восприятия, которую Комиссия всячески продвигала. В результате произведения Пушкина нещадно сокращались и лишались любой потенциальной двусмысленности.

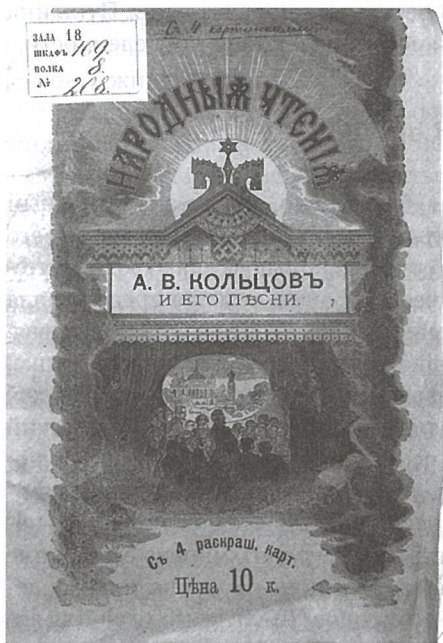
Кольцов для народа

Комиссия была той институцией, которая, безусловно, внесла значительный вклад в народную популяризацию А.В. Кольцова и регулярно переиздавала его на протяжении всей своей деятельности. Творчество Кольцова для народных чтений публиковалось Комиссией в специфической форме, которая представляла собой изложение его биографии с вкраплениями отрывков из песен. Учитывая, что еще при жизни сложилась его репутация поэта-прасола, поэта-песенника, близкого к народу, кажется, что именно Кольцов представлял собой готовый для народного чтения материал и не требовал адаптации. Однако его творческий путь и сложившаяся в поэтических кругах репутация имели некоторые сложности, которые, по мнению издателей Комиссии, все же подлежали изменению.

Прежде всего, не все творчество Кольцова вписывается в концепцию народного поэта, поэтому Комиссия не могла опубликовать многие его ранние сочинения — по той причине, что воронежский поэт-самоучка преимущественно начинал с подражаний поэзии 1820-х годов [Шеля 2018: 123]. Для его личного выстраивания репутации были важны знакомства с профессиональными поэтами более высокого социального происхождения, принадлежность к их кругу играла большую роль для самоопределения Кольцова как поэта. Тем не менее та часть его биографии, которая была связана с профессиональным становлением и стремлением повысить свой социальный статус, никогда не включалась в издания Комиссии.

Ключевую роль в формировании репутации Кольцова сыграл В.Г. Белинский, который в 1846 году написал обзорную статью «О жизни и сочинениях Кольцова», положительно оценивая фольклорные формы его творчества. Именно эта статья стала основой для Комиссии при подготовке адаптации для народных чтений. В результате техническая задача авторов адаптаций состояла не в том, чтобы приблизить Кольцова к народу, а в том, чтобы сделать более понятным для народа самого Белинского. При этом его оригинальное авторство в адаптациях не указывается. Как и в случае с адаптацией Шекспира, оригинальное авторство имеет значение только для самой Комиссии, которая хочет формально приблизить народ к авторитетному тексту, не углубляясь при этом в историю его происхождения.

Первое издание Комиссии про Кольцова выходит в 1784 году под обложкой, на которой изображен непосредственно сам процесс чтения (ил. 5.), текст этого издания был подготовлен М.Н. Паруновым и представлял собой основу для дальнейших переизданий. В целом, адаптация сводилась к преобразованию языка Белинского, к упрощению и сокращению синтаксических конструкций, а также к вычищению каких-либо литературных условностей. Когда Белинский описывает особенное отношение Кольцова к степи, он пишет: «Не будучи еще в состоянии оценить торговой деятельности, кипевшей на этой степи, он тем лучше понял и оценил степь, и полюбил ее страстно и восторженно, и полюбил ее как друга, как любовницу» [Белинский 1948: 105]. В адаптированном же варианте эта мысль оформлена для буквальной интерпретации: «И полюбил Кольцов степь, полюбил горячо» [Парунов 1882: 5].

Ил. 5. Автор изображения неизвестен. Обложка издания книги «А.В. Кольцов и его песни». Комиссия по устройству народных чтений. Санкт-Петербург. 1874.

Комиссия подчеркивала мысль о вреде пьянства. В биографии упоминается история о том, как Кольцов избежал опасности, когда один из работников в степи задумал его зарезать и усыпил его бдительность вином. При подготовке чтения для народа Комиссии было важно подчеркнуть, что сам Кольцов вино терпеть не мог и прибегнул к нему как к крайнему средству, чего нет у Белинского, потому как не представляло для него особого значения.

Просвещенческая идея Комиссии по устройству народных чтений представляла собой амбициозный и широкомасштабный проект, который был направлен на изобретение специальной литературы для специфического читателя. Для структуры адаптаций классических текстов, прежде всего, была характерна трансформация имплицитного читателя, предполагаемого ориги-

нальным текстом. Адаптации Комиссии заключали в себе конструкцию принципиально иного, чуждого оригиналу адресата. Таким адресатом преимущественно являлся сельский житель неопределенного возраста, необразованный и несамостоятельный, но заинтересованный в «правильном» досуге и «полезной» книге. Это читатель, призванный полностью доверять государству заботу о себе, осознавая свое с ним культурное единство и национальную особость. Такой контроль за читательской интенцией проявляется как на уровне текста, так и на уровне визуального восприятия.

Конструируемый Комиссией читатель имел ту особенность, что был очень близок по статусу к читателю-ребенку. Составляя историю ученого комитета, Георгиевский рассуждает о том, что в России должна существовать «особая литература, предназначенная исключительно для детей и простого, мало образованного и мало развитого, народа» [Георгиевский 1902: 156]. Особый читатель, на которого была призвана ориентироваться Комиссия, должен был читать свою литературу, в которой отражены именно его потребности. Литература же, предназначенная для средней школы, не подходила для их удовлетворения. С точки зрения Министерства народного просвещения, русская литература, по причине своего позднего развития, еще не выработала необходимых произведений для народного и детского чтения, в отличие от более развитых литератур, поэтому деятельность Комиссии на этом поприще приобретала большую ценность [Георгиевский 1902: 157]. В этом просветительском проекте адаптации образцовых художественных текстов составили значительную часть и были призваны играть роль связующего звена между образованным обществом и народом.

Разработчики адаптаций намеренно устанавливали формальные отношения между классическим текстом и его читателем, при которых была существенна лишь их «метонимическая», внешняя близость. То есть для читателя должен быть важен не столько классический текст и его история, сколько идея узнавания себя и своего быта в этом тексте. Такая стратегия позволяла Комиссии незаметно вписать литературу образованного общества и государственную национальную идею в кругозор необразованного народа, установив тем самым свой просветительский авторитет, устранив недостаток в «особой» литературе и встроив отечественное просвещение в общеевропейский контекст. Таким образом, непосредственно процесс превращения классики в концепт народной культуры начинает свой путь с адресации к необразованному крестьянину, изначально чуждому этой литературе. В дальнейшем литературная классика станет ключевой для популярной художественной культуры XX века и остается крайне влиятельной и по сегодняшний день.

Библиография / References

- [Агафонова 2017] — Агафонова Я.Я. Борьба за классику: книга для народа и лубочные книжные издания // *Филология* 28. Тарту, 2017. С. 52—61.
(*Agafonova Ya.Ya. Bor'ba za klassiku: kniga dlya naroda i lubochnyye knizhnyye izdaniya // Filologiya* 28. Tartu, 2017. P. 52—61.)

- [Адамович 2001] — Адамович М. Юдифь с головой Олоферна. Псевдоклассика в русской литературе 90-х // *Новый мир*. 2001. № 7. С. 193—208.
(*Adamovich M. Judif' s golovoj Oloferna. Pseudoklassika v russkoj literature 90-h // Novyj mir*. 2001. № 7. P. 193—208.)

- [Белинский 1948] — *Белинский В.Г.* О жизни и сочинениях Кольцова // Собр. соч.: В 3 т. / Под ред. Ф.М. Головенченко. Т. 3. М., 1948. С. 101—146.
- (*Belinskij V.G.* O zhizni i sochinenijah Kol'cova // Sobr. soch.: In 3 vols. / Ed. by F.M. Golovenchenko. Vol. 3. Moscow, 1948.)
- [Брокгауз, Ефрон 1890—1907] — *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского. Санкт-Петербург, 1890—1907.
- (*Brockhaus F.A., Efron I.A.* Entsiklopedicheskiy slovar' / Ed. by I.E. Andreyevskij. Saint Petersburg, 1890—1907.)
- [Васильева 2009] — *Васильева С.А.* Проблемы народного чтения в трактовке Вс. Соловьева // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 30. С. 167—172.
- (*Vasil'yeva S.A.* Problemy narodnogo chteniya v traktovke Vs. Solov'yeva // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 30. P. 167—172.)
- [Вортман 1999] — *Вортман Р.* «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века // Россия / Russia. Вып. 3 (11): Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII — начало XX века. М., 1999. С. 233—244.
- (*Vortman R.* «Official'naja narodnost'» i nacional'nyj mif rossijskoj monarii XIX veka // Rossiya / Russia. Issue 3 (11): Kul'turnye praktiki v ideologicheskoy perspektive. Rossiya, XVIII — nachalo XX veka. Moscow, 1999. P. 233—244.)
- [Георгиевский 1902] — *Георгиевский А.И.* К истории Ученого комитета Министерства народного просвещения. СПб., 1902.
- (*Georgievskij A.I.* K istorii Uchenogo komiteta Ministerstva narodnogo prosveshhenija. Saint Petersburg, 1902.)
- [Достоевский 1984] — *Достоевский Ф.М.* Пушкин (очерк). Произнесено 8 июня в заседании Общества любителей российской словесности // Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. 26. Л., 1984. С. 129—149.
- (*Dostoevskij F.M.* Pushkin (ocherk). Proizneseno 8 ijunja v zasedanii Obshhestva ljubitelej rossijskoj slovesnosti // Polnoe sobranie sochinenij F.M. Dostoevskogo. Leningrad, 1984. Vol. 26. P. 129—149.)
- [Дубин 2009] — *Дубин Б.* Классика после и вместо: о границах и формах культурного авторитета // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М., 2009. С. 437—451.
- (*Dubin B.* Klassika posle i vmesto: o granicah i formah kul'turnogo avtoriteta // Klassika i klassiki v social'nom i gumanitarnom znanii. Moscow, 2009. P. 437—451.)
- [Зоркая 1976] — *Зоркая Н.М.* На рубеже столетий. У истоков массового искусства в России 1900—1910 годов. М., 1976.
- (*Zorkaja N.M.* Na rubezhe stoletij. U istokov massovogo iskusstva v Rossii 1900—1910 godov. Moscow, 1976.)
- [Каплан 2012] — *Каплан В.* Исторические общества и идея исторического просвещения // Историческая культура императорской России: Формирования представлений о прошлом. М., 2012. С. 355—380.
- (*Kaplan V.* Istoricheskie obshhestva i ideja istoricheskogo prosveshhenija // Istoricheskaja kul'tura imperatorskoj Rossii: Formirovaniya predstavlenij o proshlom. Moscow, 2012. P. 355—380.)
- [Котомина 2016] — *Котомина А.А.* Археология интермедиальности: Публичные народные чтения с «волшебным фонарем» в России в 1872—1915 годах // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2016. Т. 1. № 4. С. 16—36.
- (*Kotomina A.A.* Arheologija intermedial'nosti: Publichnye narodnye chteniya s «volshbnym fonarem» v Rossii v 1872—1915 godah // Praktiki i interpretacii: zhurnal filologicheskikh, obrazovatel'nyh i kul'turnyh issledovanij. 2016. Vol. 1. № 4. P. 16—36.)
- [Лайонс 2008] — *Лайонс М.* Новые читатели в XIX веке: женщины, дети, рабочие / Под ред. Г. Кавалло и Р. Шартье // История чтения в западном мире от античности до наших дней. М., 2008. С. 399—441.
- (*Lyons M.* Les Nouveaux Lecteurs au XIXe siècle. Femmes, enfants, ouvriers / Ed. by G. Cavallo and R. Chartier // Istoriya chteniya v zapadnom mire ot antichnosti do nashih dnei. Moscow, 2008. P. 399—441. — In Russ.)
- [Макарова 1876] — *Макарова С.М.* Полтава: Повесть в стихах Александра Сергеевича Пушкина. СПб., 1876.
- (*Makarova S.M.* Poltava: Povest' v stikhakh Aleksandra Sergejevicha Pushkina. Saint Petersburg, 1876.)
- [Маракуев 1886] — *Маракуев В.Н.* Что читал и читает русский народ. М., 1886.
- (*Marakuyev V.N.* Chto chital i chitayet russkij narod. Moscow, 1886.)
- [Маркович 1991] — *Маркович В.М.* К вопросу о различении понятий «классика» и «беллетристика» // Классика и современность / Под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. М., 1991. С. 53—67.
- (*Markovich V.M.* K voprosu o razlichenii ponjatij «klassika» i «belletristika» // Klassika i sovremennost' / Ed. by P.A. Nikolaev, V.E. Halizev. Moscow, 1991. P. 53—67.)

- [Некрасова 1902] — Некрасова Е.С. Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с лубочными изданиями. Вятка, 1902.
- (Nekrasova E.S. Narodnye knigi dlja chtenija v ih 25-letnej bor'be s lubochnymi izdanijami. Vjatka, 1902.)
- [Парунов 1882] — Парунов М.В. А.В. Кольцов и его песни. СПб., 1882.
- (Parunov M.V. A.V. Kol'cov i ego pesni. Saint Petersburg, 1882.)
- [Петербургский листок 1898] — Народные чтения на Путиловском заводе // Петербургский листок. 1898. № 86. 29 марта.
- (Narodnyye chteniya na Putilovskom zavode // Peterburgskij listok. 1898. № 86. March 29.)
- [Пушкин 1886] — Пушкин А.С. Полтава. (В сокр. и пересказе Эм. Кислинской). Санкт-Петербург, 1886.
- (Pushkin A.S. Poltava (V sokraschenii i pereskaze E. Kislinskoi). Saint Petersburg, 1886.)
- [Пушкин 1899а] — Пушкин А.С. Евгений Онегин (Для нар. чтений) / Под ред. А.Г. Воронова. Юбил. изд. Санкт-Петербург, 1899.
- (Pushkin A.S. Evgeniy Onegin (Dlya nar. chteniy) / Ed. by A.G. Voronov. Yubil. izd. Saint Petersburg, 1899.)
- [Пушкин 1899б] — Пушкин А.С. Кавказский пленник: Для нар. чтений / Под ред. В.С. Соловьева. Юбил. изд. Санкт-Петербург, 1899.
- (Pushkin A.S. Kavkazskij plennik: Dlja nar. chtenij / Ed. by V.S. Solov'ev. Yubil. izd. Saint Petersburg, 1899.)
- [Рейтблат 2009] — Рейтблат А.И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М., 2009.
- (Rejtblat A.I. Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sociologii russkoj literatury. Moscow, 2009.)
- [Рябов 2014] — Рябов О.В. «Родина-мать» в истории визуальной культуры России / Вестник ТвГУ. Серия «История». 2014. № 1. С. 90—113.
- (Ryabov O.V. «Rodina-mat'» v istorii vizual'noy kul'tury Rossii / Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya». 2014. № 1. P. 90—113.)
- [Соколов, Соколова, Сафонова 2016] — Соколов М.М., Соколова Н.А., Сафонова М.А. Статусные культуры, биографические циклы и поколенческие изменения в литературных вкусах читателей петербургских библиотек // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. XIX. № 3 (86). С. 116—218.
- (Sokolov M.M., Sokolova N.A., Safonova M.A. Statusnye kul'tury, biograficheskie cikly i pokolencheskie izmeneniya v literaturnyh vkusah chitatelej peterburgskih bibliotek // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2016. Vol. XIX. № 3 (86). P. 116—218.)
- [Тихомирова 2006] — Тихомирова И.И. Книга, по которой полвека Россия училась искусству чтения // Библиосфера. 2006. № 3. С. 55—58.
- (Tihomirova I.I. Kniga, po kotoroj polveka Rossija uchilas' iskusstvu chtenija // Bibliosfera. 2006. № 3. P. 55—58.)
- [Хализев 1991] — Классика как феномен исторического функционирования литературы // Классика и современность / Под ред. П.А. Николаева, В.Е. Хализева. М.: МГУ, 1991.
- (Klassika kak fenomen istoricheskogo funkcionirovaniya literatury // Klassika i sovremennost' / Ed. by P.A. Nikolaev, V.E. Halizev. Moscow, 1991.)
- [Хрущов 1901] — Хрущов И.П. Об издательской деятельности Постоянной комиссии народных чтений и учрежденного при ней Общества за пятнадцать лет (1881—1896) СПб., 1901.
- (Khrushchov I.P. Ob izdatel'skoy deyatelnosti Postoyannoy Komissii narodnykh chteniy i uchrezhdenogo pri nej Obshchestva za pyatnadsat' let (1881—1896). Saint Petersburg, 1901.)
- [Что читать народу? 1888] — Что читать народу?: Критич. указатель книг для нар. и дет. чтения / Сост. учительницами Харьков. частной жен. воскрес. шк. Х.Д. Алчевскою, Е.Д. Гордеевой, А.П. Грищенко [и др.]. 2-е испр. изд. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашова, 1888.
- (Chto chitat' narodu?: Kritich. ukazatel' knig dlya nar. i det. chteniya / Ed. by K.D. Alchevskaja et al. 2nd edn. Saint Petersburg, 1888.)
- [Шеля 2018] — Шеля А. «Русская песня» в литературе 1800—1840-х годов. Тарту: Издание Тартуского университета, 2018.
- (Shelya A. «Russkaya pesnya» v literature 1800—1840-kh godov. Tartu, 2018.)
- [Brooks 2003] — Brooks J. When Russia Learned to Read: Literacy and Popular Literature, 1861—1917. Illinois, 2003. First published 1985 by Princeton University Press.
- [Braslavski et al. 2016] — Braslavski P., Petras V., Likhosherstov V., Gade M. Large-Scale Log Analysis of Digital Reading // ASIST. 2016.